

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

No. 19

St. Petersburg
2018

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 19

Санкт-Петербург
2018

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 19. 206 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018. No. 19. 206 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очердной

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 19 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. Раздел «Статьи» открывает серия работ С. Н. Астахова, П. Е. Нехорошева и А. К. Каспарова по проблемам палеолита Сибири. Л. Б. Вишняцкий на материалах неолита западной части Евразии приводит аргументы в пользу гипотезы об учащении и ужесточении вооруженных конфликтов по мере становления и развития производящего хозяйства. В статье Л. Б. Кирчо прослежены истоки контактов Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в эпоху бронзы. Д. Г. Савинов и В. В. Бобров публикуют эталонный памятник андроновской культуры. В еще одной статье Д. Г. Савинов сформулировал гипотезу образования скифо-сибирского культурного пространства. М. Т. Кашуба обосновывает конвергентное появление ранних фибул Кавказа. В обширной работе А. Лухтанаса и О. В. Полякова развенчивается гипотеза о миграциях западнобалтского племени галиндов в Западную Европу. В статье Е. Н. Носова и Н. В. Хвоцинской на широком историческом фоне прослежена судьба княжеского храма начала XI в. на Рюриковом городище под Новгородом. Изучению Старой Ладogi посвящены работы А. Н. Кирпичникова, В. А. Лапшина, Н. В. Григорьевой и П. А. Миляева. А. И. Сакса реконструирует историю застройки одного из участков Выборга на протяжении XV — начала XVIII вв. В разделе «Рецензии» проведен подробный разбор двухтомной публикации материалов уникального древнерусского некрополя X — начала XI в. на территории Пскова.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The papers included in the 19th issue of the “Transactions of IHMC RAS” reflect recent discoveries and advances in archaeology and ancient history. The section of Research Papers opens with a series of works by S. N. Astakhov, P. E. Nehoroshev and A. K. Kasparov devoted to the problems of the Paleolithic of Siberia. L. B. Vishnyatsky uses the materials from the Neolithic of Western Eurasia to argue in favor of the hypothesis which links the increase in frequency and scale of armed conflicts with the formation and development of producing economy. The paper by L. B. Kircho traces the beginnings of contacts between South Turkmenistan and South Tajikistan in the Bronze Age. D. G. Savinov and V. V. Bobrov describe an important site of the Andronovo culture. In another paper, D. G. Savinov presents his hypothesis of the formation of the Scythian-Siberian cultural space. M. T. Kashuba makes the case for convergent appearance of the earliest fibulae in the Caucasus. The extensive paper by A. Luchtanas and O. V. Poljakov debunks the hypothesis that the West Baltic tribe of Galindans migrated to the west of Europe. E. N. Nosov and N. V. Khvoshchinskaya elucidate the history of the princely Church of Annunciation built in the early XI c. at Ryurik Gorodishche near Novgorod. The works by A. N. Kirpichnikov, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva and P. A. Milyaev deal with the study of Staraya Ladoga. A. I. Saksa reconstructs the building history of a homesite in Vyborg during the XV — early XVIII c. The section of Reviews contains a detailed analysis of the two-volume publication of materials from the unique Old Russian necropolis of the X — early XI c. in the city of Pskov.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>С. Н. Астахов, П. Е. Нехорошев.</i> Новые находки палеолита в Туве	7
<i>С. Н. Астахов.</i> Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской Сопке	13
<i>А. К. Каспаров, П. Е. Нехорошев.</i> К вопросу о возрасте и типе верхнепалеолитических памятников Берёзовский разрез 1 и 2	20
<i>Л. Б. Вишняцкий.</i> Наконечники в костях. База данных для позднего каменного века западной Евразии	36
<i>Л. Б. Кирчо.</i> Путь на восток (контакты Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в III тыс. до н. э.)	56
<i>Д. Г. Савинов, В. В. Бобров.</i> Эталонный памятник андроновской культуры в Кемеровской области	70
<i>М. Т. Каишуба.</i> Ранние фибулы Кавказа в работах Ю. Н. Воронова	80
<i>Д. Г. Савинов.</i> К теории образования скифо-сибирского культурного пространства	91
<i>И. Ю. Шауб.</i> О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба	103
<i>А. Лухтанас, О. В. Поляков.</i> Галинды на просторах Европы — археологическая, историческая, лингвистическая реальность или вымысел?	112
<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская.</i> Древний ров Рюрикова городища и судьба княжеского храма Благовещения 1103 г.	137
<i>А. Н. Кирпичников, В. А. Лапшин, Н. В. Григорьева.</i> Об одном типе построек раннесредневековой Ладogi	148
<i>В. А. Лапшин, П. А. Миляев.</i> Новые исследования на Варяжской улице в Старой Ладoge	157
<i>С. В. Белецкий.</i> Граффито из собора Юрьева монастыря близ Новгорода	165
<i>А. И. Сакса.</i> Выборг, строительная история межевого участка у дома 8 по ул. Выборгская	173

РЕЦЕНЗИИ

<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская.</i> Открытия погребальных памятников на территории г. Пскова (на пороге археологической сенсации)	191
---	-----

AD MEMORIA

<i>С. В. Красниенко.</i> Памяти Э. Б. Вадецкой (1936–2018)	202
Список сокращений	204

CONTENS

RESEARCH PAPERS

<i>S. N. Astakhov, P. E. Nehoroshev.</i> New discoveries of Paleolithic sites in Tuva	7
<i>S. N. Astakhov.</i> Paleolithic stone quarry mines on Titovskaya Sopka	13
<i>A. K. Kasparov, P. E. Nehoroshev.</i> On the age and type of the Upper Paleolithic sites Berezovskiy razrez 1 and Berezovskiy razrez 2	20
<i>L. B. Vishnyatsky.</i> Projectiles in bones. A database for the Late Stone Age of Western Eurasia	36
<i>L. B. Kircho.</i> Road to the east (contacts between South Turkmenistan and South Tajikistan in the III millennium BC)	56
<i>D. G. Savinov, V. V. Bobrov.</i> Reference site of the Andronovo culture in the Kemerovo oblast	70
<i>M. T. Kashuba.</i> Early Caucasian fibulae in Yu. N. Voronov's works	80
<i>D. G. Savinov.</i> Towards the theory of formation of the Scythian-Siberian cultural space.....	91
<i>I. Yu. Schaub.</i> On the ritual function of the spindle from the “Queen” burial in the Kul-Oba barrow	103
<i>A. Luchtanas, O. V. Poljakov.</i> Galindans on the expanses of Europe — archaeological, historical, linguistic reality or fiction?	112
<i>E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya.</i> Ancient ditch of Ryurik Gorodishche and the destiny of the princely Church of Annunciation built in 1103	137
<i>A. N. Kirpichnikov, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva.</i> About one type of buildings in Early Medieval Ladoga	148
<i>V. A. Lapshin, P. A. Milyaev.</i> New research on Varyazhskaya street in Staraya Ladoga	157
<i>S. V. Beletsky.</i> Graffito from the Cathedral of the Yuriev monastery near Novgorod	165
<i>A. I. Saks.</i> Vyborg: the construction history of a boundary area near building No. 8 on Vyborgskaya street	173

BOOK REVIEWS

<i>E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya.</i> Discoveries of burial sites on the territory of Pskov (on the threshold of an archaeological sensation)	191
--	-----

AD MEMORIA

<i>S. V. Krasnienko.</i> To the memory of E. B. Vadetskaya (1936–2018)	202
List on abbreviations	204

О РИТУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ВЕРЕТЕНА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ «ЦАРИЦЫ» В КУРГАНЕ КУЛЬ-ОБА¹

И. Ю. ШАУБ²

Ключевые слова: *Боспор, скифский курган Куль-Оба, погребение «царицы»-жрицы, ритуальное значение веретена, семантика образа водоплавающей птицы, Афродита Урания, Великая богиня.*

Серебряный предмет из женского погребения кургана Куль-Оба долгое время считался скипетром. Затем было доказано, что этот артефакт является веретеном. Однако его уникальное скульптурное оформление в виде водоплавающей птицы, чей образ имел глубокую семантику, а также та важная роль, которую играло веретено в обрядах и верованиях всех знакомых с ткачеством народов, позволяют предполагать, что куль-обское веретено выполняло функцию ритуально-магического жезла и атрибута сакральной власти. Этот факт может служить еще одним свидетельством того, что погребенная в Куль-Обе скифская «царица» была жрицей Великой богини, в качестве главной греческой ипостаси которой на Боспоре выступала Афродита Урания (Небесная).

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-103-111

При раскопках знаменитого боспорского кургана Куль-Оба у головы погребенной здесь вместе со своим мужем скифской «царицы» (Дюбрюкс 2010, т. 1: 216) был найден серебряный плакированный золотом стержень со скульптурным изображением водоплавающей птицы (дикий утки: АВС: 42) на конце (ДБК: табл. II, 4; Дюбрюкс 2010, т. 2: 110, рис. 250³). Долгое время он считался скипетром «царицы» (АВС: 42). Однако Э. В. Яковенко убедительно доказала, что этот артефакт по внешнему виду представляет собой веретено (Яковенко 1973: 39–43), и с тех пор он более не привлекал к себе внимания исследователей. Тем не менее этот предмет вполне заслуживает пристального рассмотрения уже хотя бы потому, что он едва ли мог

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0007. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Судя по отсутствию в этом издании фотографии данного предмета, он не сохранился. Существует только графическое его изображение.

использоваться по своему прямому назначению из-за своих характерных особенностей: слишком тонкого золотого листа, покрывавшего стержень, а также неудобного для работы скульптурного оформления его конца. Однако это обстоятельство в данном случае отнюдь не главное.

Как известно, из всех орудий, связанных с прядением и ткачеством, именно веретено (а также пряслица — грузики для его утяжеления и крепления на нем пряжи) является наиболее семантически нагруженным орудием. У всех народов, знакомых с этим ремеслом, оно получило глубокое мифопоэтическое осмысление (см., например: Топоров 1982; Боряк 1989). Кроме того, веретено имеет важное религиозно-магическое значение, находясь под покровительством женских божеств, причем тех, которые связаны с комплексом Богини-матери (Кинжалов 1990: 83). Самый яркий пример — прядущие богини судьбы (Мойры у греков, Парки у римлян, Норны у германцев). Следует отметить, что богини судьбы в виде прях существовали не только у индоевропейцев, но и у других народов (Горан 1990: 74–75).

Веретено осмыслялось не только мифопоэтически, но и философски. Его вращательное движение «стало микрокосмическим символом вселенной в целом, которая представлялась пребывающей в постоянном процессе творения» (Suhr 1969: 34). В «Государстве» Платона космическое устройство объясняется как результат вращения веретена, приводимого в действие Ананке (Необходимостью) (R. P.: 616–617; Топоров 1982: 343).

Прежде чем обратиться к куль-обскому веретену, необходимо отметить тот факт, что веретена в боспорских могилах — не редкость, но здесь эти предметы сделаны в основном из дерева (Сокольский 1971: 218–219) и реже — из слоновой кости (Петерс 1986: 57–60). О том, почему невозможно объяснить помещение веретен в могилы только распространенностью ткацкого ремесла в боспорских поселениях (см.: Гайдукевич 1952), речь пойдет ниже. Пока же только обратим внимание на тот факт, что костяное веретено было обнаружено в женском захоронении № 5 кургана Большая Близница. Хозяйка этого веретена, судя по прочим сопровождавшим ее предметам, так же как и женщины, нашедшие упокоение в гробницах № 1 и 4, была жрицей Великой богини, которая могла идентифицироваться с целым рядом греческих богинь, но прежде всего — с Афродитой (Шауб 2007: 376; 2011: 317).

В Скифии костяные веретена как в «царских», так и в рядовых женских могилах встречаются довольно часто (см., например: Алексеев и др. 1991: 124). Веретена греческого типа являются принадлежностью погребений богатых скифянок (Чередниченко, Фиалко 1988: 161). Серебряные веретена были найдены только в курганах: в Куль-Обе, во впускной могиле Александропольского кургана (Яковенко 1973: 40) и в Чертомлыке (Алексеев и др. 1991: 198, № 119, северо-восточная камера)⁴, где также обнаружены части наборного веретена из кости и дерева, украшенные серебром и золотом (Там же: 192–193, № 110).

Не менее (если не более) важным компонентом погребального инвентаря могил боспорян, чем веретена, были пряслица. Особенно часто эти предметы встречаются в погребениях сельских обитателей Боспорского государства, причем не только женщин, но и мужчин разного возраста (Сорокина, Сударев 2001: 136–137),

⁴ Обращает на себя внимание тот факт, что данное веретено могло принадлежать мужчине (см.: Алексеев и др. 1991: 124).

а также меотов — одного из варварских народов, населявших азиатские земли Боспора (Лимберис, Марченко 2002: 175–176). В меотских могилах «пряслица часто находятся в кучке с другими, особо значимыми предметами. Очевидно, эти орудия труда не всегда сохраняли свое утилитарное назначение, попадая в погребение (маловероятно, что мужчины и маленькие дети когда-либо имели дело с веретеном)» (Сорокина, Сударев 2001: 136–137). Многочисленные находки пряслиц в некрополях Боспора одни исследователи связывают с культами Афины, Афродиты и прочих греческих богинь (Там же). Другие более осторожны в атрибуции («у меотов пряслице, вероятно, следует рассматривать как предмет культа богини [или богинь] домашнего очага и плодородия»), но дают волю фантазии в интерпретации: «Помещение пряслица в погребение могло символизировать оборвавшуюся жизненную нить, но не лишало надежды на возрождение. Сквозное отверстие пряслица также можно представить в качестве „переходного тоннеля“ для души в царство мертвых и обратно, как и в случае с отверстием в дне сосуда» (Лимберис, Марченко 2002: 176).

При всей сомнительности отдельных деталей в подобных рассуждениях есть рациональное зерно, поскольку веретено у многих народов считается хранилищем жизненной силы (души) (Калинина 2009: 150).

Для понимания религиозно-мифологического значения веретена очень важны данные этнографии. Так, по словам Е. А. Борьяк, исследовательницы обрядов и верований, относящихся к ткачеству, в традиционной культуре украинцев веретено оказалось наиболее информативным «с точки зрения анализа предметных символов, связанных с циклом ткаческих работ <...>. Значительная часть народных представлений о сакральности веретена связывалась с его свойством вращения вокруг своей оси, благодаря которому из информативной, рыхлой, хаотической массы посредством закручивания его элементов создавалось упорядоченное, организованное начало. В украинской этнографической традиции выявлены „следы“ концепции веретена как точки поворота, стержня-оси, которое организует и связывает мироздание. <... > Глубинная семантика веретена определяется его медиативной функцией. Оно способно перекрывать, или, наоборот, открывать границы полярных семантических сфер — „своего“ и „чужого“ миров, осуществлять между ними контакт путем пересечения их границ» (Борьяк 1989: 13).

Та же исследовательница отмечает, что на Украине веретено использовалось в лечебной, охранительной и вредоносной магии (Там же: 12). Можно думать, что в обрядах и верованиях, связанных с ткачеством, в традиционной культуре украинцев сохранились не только параллели к соответствующим скифским религиозным представлениям, но и их рудименты. В данной связи особое внимание обращает на себя семантическая связь веретена и змеи (существовало поверье, что веретено может превратиться в гада — «веретеницу», «веретено видеть во сне означает ужей» и т. п. (Там же: 13)). Аналогичное поверье бытовало и у русских: кто во время Рождества увидит веретено, тому летом грозит частая встреча со змеями (Афанасьев 1869: 132). Все это позволяет предполагать, что в упомянутых поверьях сохранились воспоминания о веретене, как об одном из атрибутов Великой богини, наиболее распространенной ипостасью которой в Скифии и на Боспоре (в том числе и в кургане Куль-Оба) была змееногая прародительница скифов (Шауб 2007: 114 сл.; 2011: 96 сл.).

Что касается куль-обского веретена, следует отметить, что оно уникально, поскольку на конце имеет украшение в виде утки⁵. Вряд ли случайным является тот факт, что скульптурные утки представлены на двух ювелирных украшениях, которые явно принадлежали «царице»: булавке (Дюбрюкс 2010, т. 2: 106, рис. 232) и предмете неясного назначения (Там же: 124, рис. 317). Утки, охотящиеся на рыб, также изображены на ритуальном круглодонном сосуде (Там же: 105, рис. 227), а другие водоплавающие птицы (гуси или лебеди) представлены среди персонажей живописных религиозно-мифологических композиций, украшающих доски ее саркофага или ложа (Там же: 115, рис. 262).

Как известно, семантика водоплавающих птиц многогранна (Иванов, Топоров 1982: 346–349). На наш взгляд, главное, на чем она основана, заключается в их медиативной роли — роли существ, имеющих возможность устанавливать связь между всеми областями мироздания. (Странно, что В. В. Иванов и В. Н. Топоров, авторы вышеупомянутой обобщающей статьи, прошли мимо этого очевидного факта.) Можно смело предполагать, что способность водоплавающих птиц, живя на земле, не только летать, но и плавать по воде и погружаться в нее, производила столь сильное впечатление на греков, этрусков и представителей многих других народов древности, что они отводили этим существам важную роль в своей религии (Шауб 2008: 103–113).

В свете всего сказанного становится понятным, почему, к примеру, греки и этруски украшали свои черпаки и ситечки для вина головками водоплавающих птиц. Подобные предметы в руках человека выполняли действия, напоминающие поведение водоплавающих птиц, поэтому ассоциировались с этими существами, наделялись не только их внешними чертами, но и соответствующей семантикой, обещающей возрождение (Там же).

Куль-обское веретено типологически весьма напоминает восходящее еще к палеолиту изображение птицы на верхушке шеста, которое могло служить как одним из воплощений концепции мирового древа (Топоров 1980: 399), так и символом богини неба в образе птицы (Голан 1993: 173).

В греческой мифологии с водоплавающими птицами в качестве богини весны и возрождения связывалась Афродита Урания, что наглядно проявляется в тех сюжетах росписи погребальных боспорских пелик, где она представлена сидящей на лебеде (см.: Шауб 2011: 281; здесь же перечислены и другие боспорские памятники с аналогичными изображениями, а также ее терракотовый бюст в высоком головном уборе, украшенном крыльями лебедя или гуся).

О том, что в качестве еще одного из атрибутов Афродиты на Боспоре могло выступать веретено, свидетельствует ее изображение с этим предметом на стеклянном медальоне IV в. до н. э., найденном в некрополе Пантикапея (Кунина 2000: 186)⁶.

По поводу прядущей Афродиты, атрибутами которой были не только веретено, но и водоплавающая птица, стоит вспомнить, что германская богиня-пряха Перхта представлялась имеющей гусиные лапы (Афанасьев 1869: 188). С крыльями

⁵ Нам известен только один подобный предмет, имевший на конце скульптурное завершение, — это украшенное головой копытного животного (оленя) костяное веретено, найденное в Елизаветинском кургане (см.: Яковенко 1973: 40, рис. 2, 1).

⁶ О важной роли веретена в культе Афродиты, особенно Урании, см.: Suhr 1969: 101 sq.

и птичьими лапами изображалась и шумерская богиня Иштар (Голан 1993: 173), к образу которой (через Астарту) восходит и Афродита Небесная.

Выше уже упоминалось о том, что некоторые исследователи, правда, без весомой аргументации, связывают найденные в боспорских могилах пряслица с культом Афродиты Урании⁷. В свете всего вышеизложенного с данным предположением можно согласиться, но только с важной оговоркой: в этой греческой богине (с ощутимыми восточными корнями и негреческими чертами; см., например: Hdt. I, 131–132; Paus. I, 14, 7; Delivorrias 1984: 2–4) населявшие Боспор варвары видели ипостась своего Великого женского божества (Шауб 2007: 335–336; 2011: 285–286).

Близкой аналогией к упоминавшемуся изображению на пантикапейском медальоне является статуя великой Сирийской богини, которая в одной руке имела скипетр, а в другой — веретено (Lucian. De dea Syr., 14). Это свидетельство Лукиана подтверждается и многочисленными памятниками (Drijvers 1986: 356, Nr. 17; 357, Nr. 29–32). Сходство атрибутов обеих богинь особенно важно для нас потому, что великую Сирийскую богиню греки ассоциировали со своей Афродитой Уранией. Еще раз напомним, что на Боспоре она выступала в качестве верховной богини и главной ипостаси Великого местного божества.

Не менее знаменателен и тот факт, что именно культ одного из воплощений великой Сирийской богини — аскалонской Деркетто (Augé 1986: 382–383) послужил отправной точкой для начала почитания скифами своей Афродиты Урании, которую Геродот называет Аргимпасой (Hdt. IV, 67.2).

Согласно Геродоту, скифы познакомились с культом этой богини во время своего похода в Азию, когда они ограбили в Аскалоне древнейший храм Афродиты Небесной, за что богиня наказала их «и все их потомство поразила женской болезнью» (Hdt. I, 105). Далее Геродот рассказывает (Hdt. IV, 67), что, по словам самих этих женоподобных мужчин-энареев, которые являлись наследственными прорицателями, это искусство дала им Афродита⁸.

Деркетто, которой было посвящено Аскалонское святилище, почиталась в виде полуженщины-полурыбы (Diod. II, 4). Это обличье роднит ее со змееногой Ехидной, родоначальницей скифов (Hdt. IV, 9), которая стала ею, вступив в брак с Гераклом. О близости или даже тождественности Ехидны и Афродиты Урании позволяет догадываться изложенный Страбоном (XI, 2, 10) миф об Афродите Апатуре, в котором ее паредром выступает Геракл (см.: Шауб 2007: 327–328; 2011: 94 сл.).

Нужно отметить, что и великая Сирийская богиня, и Деркетто, и Афродита Урания генетически восходят к образу Великой ближневосточной богини Иштар–Астарты (см.: Delcor 1986: 1077 f.). Культ Астарты под именем Астары существовал на азиатской стороне Боспора, о чем известно из посвятительной надписи IV в. до н. э., которую сделала царица с негреческим именем Комосария (КБН. № 1015).

Что касается Афродиты, то она являлась преемницей великой доэллинской богини (Fauth 1964: 428–429). Мифологическое выражение связи Афродиты

⁷ Для обоснования своего тезиса Н. П. Сорокина и Н. И. Сударев ссылаются лишь на тот факт, что в погребениях римского времени «встречаются находки пряслиц вместе с прялками, увенчанными ее (Афродиты. — *И. Ш.*) изображением» (Сорокина, Сударев 2001: 136).

⁸ О феномене энареев см.: Доватур и др. 1982: 305, коммент. 423; о них как о жреческой «касте» см.: Шауб 2017: 290.

со становлением и судьбами мира выразилось в ее характеристике как древнейшей из Мойр (Paus. I, 19. 2; Fauth 1964: 429)⁹. Именно благодаря этому всеохватывающему наследию всемогущего божества происходит возвышение греческой Афродиты до Всеединой богини в трагической поэзии и досократической философии (Fauth 1964: 430). Наиболее рельефно в качестве Великой богини всего сущего Афродита Урания выступает в орфическом гимне (Orph. h. LV). Здесь она в числе прочего характеризуется как «сокровенная и очевидная», «владычица мира», «вездесущая», «Богиня-Мать», «несущая благо Дева». В контексте нашего исследования особенно интересно то, что безымянный автор гимна называет Афродиту «матерью Ананке» (то есть необходимости, судьбы), «госпожой Мойр» и «скиптродержицей», а также упоминает, что она «слетает с лебединою стаей на волны морские».

Возвращаясь к нашему основному предмету, в заключение отметим, что в скифской среде веретено как ритуально-магический предмет могло выступать в качестве атрибута не только жрицы, но и жреца¹⁰. Об этом свидетельствует тот факт, что веретена были неоднократно обнаружены в скифских мужских захоронениях, где находились и такие ритуально значимые женские предметы, как в высшей степени сакрализованные головные уборы (см.: Мозолевский и др. 1993: 72; Клочко 1995: 21–23; Мозолевский, Полин 2005: 355; Шауб 2017). На наш взгляд, веретено выступало здесь как ритуально-магический жезл¹¹, а его весьма вероятная связь с институтом энареев позволяет предполагать использование этого предмета в качестве атрибута (сакральной) власти¹².

Думается, что все приведенные выше аргументы говорят в пользу того, что и куль-обское веретено играло аналогичную роль. Этот факт может служить еще одним свидетельством того, что погребенная в Куль-Обе скифская «царица» была жрицей Великой богини, главной ипостасью которой на Боспоре была Афродита Урания, владычица святилища с негреческим названием Апатур (Шауб 2007: 329; 2011: 281).

⁹ Целый ряд данных свидетельствует о тесной связи Афродиты с Мойрами (Suhr 1969: 101 sq.). Возможно, подобные представления отразились и в уже упомянутом изображении прядущей Афродиты, представленной на стеклянном медальоне из Пантикапея. В то же время орудия ткачества, прядения и шитья, обнаруженные в Китейском зольнике, служили вотивами скорее не эллинской Афродите (Молева 2007: 80 сл.), а местной Великой богине, одну из ипостасей которой варвары видели в Афродите.

¹⁰ Ближневосточные религиозно-мифологические представления, явно оказавшие влияние на идеологию «энарейства», в греческой мифологии наиболее рельефно проявились в мифе о Геракле, который выполнял женскую работу, в частности пряд, на службе у Омфалы. В образе этой царицы, несомненно, кроется одна из ипостасей Великой малоазийской богини; об этом мифе см.: Suhr 1953: 251–263.

¹¹ С. С. Бессонова и С. А. Яценко усматривают в подобных случаях отображение представлений о «священном браке» царя с богиней (Бессонова 1983: 115; Яценко 1987: 136), а Л. С. Клочко полагает, что «женские вещи выступают в данном обычае в качестве „заменяющей“ жертвы» (Клочко 1995: 22–23).

¹² Этот атрибут явно глубоко укоренился в культуре ираноязычных народов. В связи с этим сошлемся на авторитет Н. Б. Янковской, которая полагает, что на персидских миниатюрах XV — начала XVII вв. «Старец с веретеном в поднятой руке» выступает в качестве «манифестации ВЛАСТИ (маюскулы автора. — *И. Ш.*)» (Янковская 2005: 146, 153, примеч. 50).

Литература

Алексеев и др. 1991 — Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1991. 413 с.

Афанасьев 1869 — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: К. Солдатенков, 1869. Т. 3. 842 с.

Бессонова 1983 — Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 138 с.

Боряк 1989 — Боряк Е. А. Традиционные знание, обряды и верования украинцев, связанные с ткачеством (середина XIX — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 17 с.

Гайдукевич 1952 — Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях // Гайдукевич В. Ф. (ред.). Боспорские города. Ч. 1. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 395–414 (МИА. № 25).

Голан 1993 — Голан А. Миф и символ. М.: РУССЛИТ, 1993. 375 с.

Горан 1990 — Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 334 с.

ДБК — Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа: Атлас. СПб.: Тип. Имп. АН, 1854. 100 с.

Доватур и др. 1982 — Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.

Дюбрюкс 2010 — Дюбрюкс П. Собр. соч. СПб.: Коло, 2010. Т. 1 — 726 с.; т. 2 — 310 с.

Иванов, Топоров 1982 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Птица // МНМ. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 346–349.

Калинина 2009 — Калинина И. В. Очерки по исторической семантике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 272 с.

КБН — Корпус боспорских надписей / Струве В. В. (ред.). М.; Л.: Наука, 1965. 952 с.

Кинжалов 1990 — Кинжалов Р. В. Символика «плексиса» в мифе, обряде, изобразительном искусстве древности и в современном фольклоре // Путилов Б. Н. (отв. ред.). Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. С. 82–88.

Клочко 1995 — Клочко Л. С. Про один скифський звичай // Музейні читання. ТД науч. конф. Музею історичних коштовностей України — філіалу Національного музею історії України. Грудень 1993 р. Київ: Наукова думка, 1995. С. 21–23.

Кунина 2000 — Кунина Н. З. Стекланные медальоны с рисунками из некрополя Пантикапея // Соловьёв С. Л. (ред.). Античное Причерноморье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. С. 186–191.

Лимберис, Марченко 2002 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. О назначении некоторых предметов инвентаря и роли жертвенных животных в погребальном ритуале меотов IV в. до н. э. (по материалам Прикубанского могильника) // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Ч. 2. С. 173–177.

Мозолевський и др. 1993 — Мозолевський Б. М., Білосір В. П., Василенко В. А. Дослідження Соболевої могили // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993. С. 71–72.

Мозолевский, Полин 2005 — Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев: Наукова думка, 2005. 600 с.

Молева 2007 — *Молева Н. В.* Орудия ткачества, прядения и шитья как вотивные подношения в Китейском святилище // Махлаюк А. В. (ред.). Из истории античного общества. К 60-летию проф. Е. А. Молева. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 80–85.

Петерс 1986 — *Петерс Б. Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 189 с.

Сокольский 1971 — *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971. 288 с.

Сорокина, Сударев 2001 — *Сорокина Н. П., Сударев Н. И.* Предметы, связанные с культурами и магией, из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. Ч. 1. С. 133–139.

Топоров 1980 — *Топоров В. Н.* Дерево мировое // МНМ. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 398–406.

Топоров 1982 — *Топоров В. Н.* Пряжа // МНМ. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 343–344.

Чередниченко, Фиалко 1988 — *Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е.* Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. 1988. № 4. С. 149–166.

Шауб 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.

Шауб 2008 — *Шауб И. Ю.* Италия–Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб.: Свято-Алексиевская Пустынь, 2008. 155 с.

Шауб 2011 — *Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.

Шауб 2017 — *Шауб И. Ю.* Боспорское жречество // Зинько В. Н. (отв. ред.). Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. Керчь: Керченская гор. тип., 2017. С. 288–324 (Боспорские исследования. Вып. 34).

Яковенко 1973 — *Яковенко Э. В.* «Скіпетр цариці» з Куль-Оба // Археологія. 1973. № 11. С. 39–43.

Янковская 2005 — *Янковская Н. Б.* Роль поэта и художника в саморегуляции общественных структур // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб.: Изд-во ГЭ, 2005. С. 134–154.

Яценко 1987 — *Яценко С. А.* О семантике одного из элементов декора парадного костюма ранних кочевников // Матющенко В. И. (отв. ред.). Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. ТД по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск: Изд-во Омского ГУ, 1987. С. 135–136.

ABC — *Antiquités du Bosphore Cimmérien / Rééditées par S. Reinach.* Paris, 1892.

Augé 1986 — *Augé Ch.* Derketo // LIMC. 1986. Bd 3. S. 382–383.

Delcor 1986 — *Delcor M.* Astarte // LIMC. 1986. Bd 3. S. 1077–1085.

Delivorrias 1984 — *Delivorrias A.* Aphrodite // LIMC. 1984. Bd 2. S. 2–151.

Drijvers 1986 — *Drijvers H. J. W.* Dea Syria // LIMC. 1986. Bd 3. S. 355–358.

Fauth 1964 — *Fauth W.* Aphrodite // *Der Kleine Pauly.* Stuttgart: Artemis, 1964. Bd 1. S. 425–431.

Suhr 1953 — *Suhr E. G.* Herakles and Omphale // *American Journal of Archaeology.* 1953. Vol. 57. P. 251–263.

Suhr 1969 — *Suhr E. G.* The Spinning Aphrodite. The Evolution of the Goddess from Early Pre-Hellenic Symbolism through Late Classical Times. New York: Helios Books, 1969. 218 p.

ON THE RITUAL FUNCTION OF THE SPINDLE FROM THE “QUEEN” BURIAL IN THE KUL-OBA BARROW

I. YU. SCHAUB

Keywords: *Bosporus, Scythian barrow of Kul-Oba, “queen”-priestess burial, ritual significance of the spindle, fowl image semantics, Aphrodite Urania, Great Goddess.*

The silver object from the female burial in the Kul-Oba barrow had long been considered a scepter. Later, it was proved that this artifact was a spindle. However, both its unique sculptural appearance in the form of a fowl (an image which has rich semantics) and the important role the spindle played in rituals and believes of all those peoples, who practiced weaving, give grounds to think that the Kul-Oba spindle functioned as a ceremonial and magical rod and an attribute of sacred power. This fact may serve as one more evidence that the Scythian “queen” buried at Kul-Oba was a priestess of the Great Goddess, whose role at Bosporus was played by Aphrodite Urania (Celestial).